

Серия
ДЛЯ УЗКОГО КРУГА

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВОДЫ
I

ရန်ကင်း
ဧရာဝတီ
၂၀၁၆

Лигон
Кангем
2016

УДК 82
ББК 84(0)6
Б90

Составитель
М. Ю. Манаков

Ответственный редактор
Ю. С. Вспольный

Перевод с английского
И. Можейко, Л. Седова, Р. Нудельмана

В оформлении обложки
использован рисунок
P. Caza

Б90 Булычев, К.
Переводы. I: Сборник произведений зарубежных авторов / Пер. с англ. И. Можейко и др.; сост. М. Ю. Манаков; отв. ред. Ю. С. Вспольный. — Лигон: Лигонское государственное книжное издательство «Кангем». Отдел литературы на иностранных языках, 2016. — 667, [1] с.: ил. — (Для узкого круга).

LSBN 0016-1981-01

В сборник произведений зарубежных писателей вошли фантастические романы, повести и рассказы, переведенные Игорем Всеволодовичем Можейко (Жир Булычев) и впервые опубликованные на русском языке в 1957—1980 гг. Книга дополнена предисловиями переводчика, а также именным указателем художников-иллюстраторов.

УДК 82
ББК 84(0)6

LSBN 0016-1981-01

© Булычев К., перевод, 1957—1980
© Издательство «Кангем», 2016

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Я начал переводить раньше, чем писать фантастику. И, наверное, это хорошо. По крайней мере, мне удалось сначала прочесть в оригинале, а потом посмотреть, как устроено (переводить — все равно что разбирать часы на детальки, а потом собирать их снова) кое-что из американской и английской фантастической классики.

Когда я говорю о классике, то подразумеваю не Жюль Верна, а тех классиков, которые живы частью и сегодня, тех классиков, которые ознаменовали для нас, в Советском Союзе, зарю современной фантастики. Я думаю, что и Стругацкие с Ефремовым были бы иными, родились бы как писатели позже, если бы перед этим не прочли в оригинале или переводе Лема, Брэдбери, Шекли и Кларка. Рубеж 60-х годов является одновременно рубежом в истории советской фантастики и водоразделом, за которым имена великих фантастов нашего века стали не менее популярны у нас, чем в Америке.

Конечно, были исключения — Оруэлл, Хаксли, а потом и Замятина с Вулгаковым передавали из рук в руки верным людям. Можно было полететь с работы или отправиться еще дальше. Но удивительное лицемерие нашего общества находило выражение в парадоксальных вещах: мне удалось, помню, купить в начале 60-х годов совершенно официальное, отпечатанное в типографии издание «1984» Оруэлла — номерной экземпляр, «для служебного пользования». Наши идеологи хотели знать, с кем и почему борются. И получить удовольствие от этой борьбы. А в таком виде, для узкого круга, издавалось немало вредных книг.

Когда мы сегодня, и заслуженно, склоняем головы перед оригинальностью и смелостью таланта Ефремова и Стругацких, мы порой представляем их творчество как бы чисто внутренним, русским явлением: «На смену пресловутой фантастике ближнего прицела пришла «Туманность Андромеды!» А ведь мы прочли Стругацких и Ефремова,

СОДЕРЖАНИЕ

Кир Булычев. От переводчика..... 5

ФАНТАСТИКА (1957 — 1980)

Артур Кларк	
Пацифист	11
Сирил Корнблат	
Карточный домик.....	21
Клиффорд Саймак	
Денежное дерево	32
Теодор Томас	
Сломанная линейка	70
Маргарет Сент-Клэр	
Потребители	79
Говард Гаррис	
Растение-людоед профессора Джонкина.....	89
Роберт Хайнлайн	
Если это будет продолжаться... ..	96
Энтони Бучер	
Клоподав	234
Урсула Ле Гуин	
Девять жизней	253
Фредерик Пол	
Похититель душ.....	284
Лайон Спрэг де Камп	
Такая работа... ..	301
Мак Рейнольдс	
Эксперт	322
Пирс Энтони	
Не кто иной, как я.....	333
Клиффорд Саймак	
Мир, которого не может быть	367
Теодор Старджон	
Крошка и чудовище.....	408

Джеймс Шмиц	
Сбалансированная экология	450
Джеймс Уайт	
Космический госпиталь	469
Дональд Уондри	
Странная жатва	595
Айзек Азимов	
Необходимое условие	621
Эрик Винников, Марсия Мартин	
Последняя охота	626

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Кир Булычев. Первый гранд-мастер</i>	639
<i>Кир Булычев. Теодор Старджон</i>	659
<i>Указатель иллюстраторов</i>	665

генералу, самые скромные из которых были просто убийственны для генеральского достоинства, в то время как более изысканные ставили под угрозу самую его физическую целостность. И то, что все эти послания немедленно классифицировались как строго секретные, не приносило генералу утешения. Он знал с мрачной уверенностью, что это будет самый несекретный секрет за все годы холодной войны. Он уже серьезно призадумался над подысканием себе местечка на гражданской службе.

Ну вот, в таком состоянии, джентльмены, все находится и по сей день. Инженеры стараются распутать схему, созданную доктором Милькетостом, и, без сомнения, со временем им это удастся. Однако пока Карл остается непреклонным пацифистом. Он просто счастлив, когда забавляется с теорией чисел или высчитывает таблицы степеней — в общем, когда занимается математикой. Знаете известный тост: «Пью за чистую математику — и да не будет от нее никакой практической пользы!» Карл мог бы повторить его...

Стоит кому-нибудь попытаться обвести его, он сразу же объявляет забастовку. А раз у него такая великолепная память, его невозможно одурачить. Половина всех известных сражений и битв хранится в его каналах, и он легко может распознать любой вариант, любое отклонение. И хотя делались попытки замаскировать тактическую задачу под математическую, он немедленно обнаруживал этот подвох. И на свет появлялся новый сюрприз генералу.

Что же до Милькетоста, то с ним ничего не удалось сделать, так как сразу же после происшествия он заболел нервным расстройством. Это было подозрительно своевременно, но он вполне мог сослаться на переутомление. В последний раз я слышал, что он преподает линейную алгебру в богословском колледже в Денвере. Он клянется, что не помнит ничего о своей работе над Карлом и о том, что тогда произошло. Может быть, это и правда.

Сирил Корнблат КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

— Деньги! Деньги!.. — кричала жена. — Ты губишь себя, Вилли. Вырвись с биржи и поедем куда-нибудь, где мы будем чувствовать себя людьми.

Он захлопнул дверь квартиры и поморщился от пронизавшей его боли в печени. Двери лифта раздвинулись, и лифтер, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, мистер Борн. Сегодня отличная погода.

— Очень приятно, Сэм, — сухо ответил Борн. — Меня только что накормили отличным завтраком.

Сэм не знал, как это воспринять, и ограничился слабой улыбкой.

— Что новенького на бирже, мистер Борн? — спросил он, когда лифт остановился на первом этаже. — Мой двоюродный брат, он учится на летчика, посоветовал мне разделиться с акциями «Лунных развлечений». А в «Биржевом журнале» они записаны в растущие.

Борн ответил:

— Даже если бы я знал, я все равно бы вам ничего не сказал. Вам нечего делать на бирже. Особенно если вы думаете, что там можно играть, как в рулетку.

Пока он ехал в машине до конторы, его не покидала мысль о том, что Сэму, миллионам Сэмов нечего делать на бирже. Но они там были, и это они создали Великий бум 1975 года и на его гребне вознесли В. Дж. Борна и Ко. Но сколько это будет продолжаться? При этой мысли у него снова закололо в печени.

Приехал он в 9.15. Контора уже была бурным водоворотом. Поцелкивали вычислительные машины, на информационных досках мерцали цифры, сновали курьеры, распро-

© *Dominoes* by Cyril M. Kornbluth, 1953

© Пер. с англ. И. Можейко, 1961

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через минуту поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения казалось не таким уж и чудом. Или, может быть, слишком чудом? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют пленника без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение: рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам.

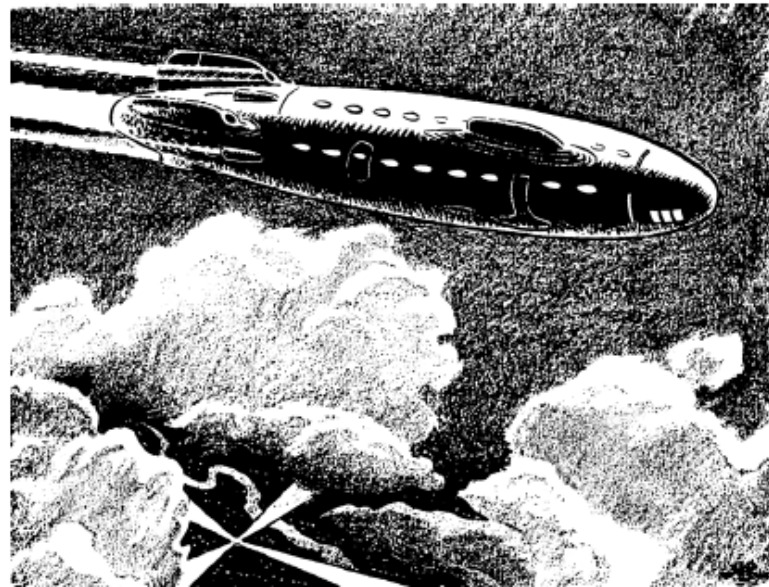
Конечно, оставалась вероятность, что мне в самом деле повезло. В любом случае, я не хотел попадаться им снова, как и не хотел привести их к моим товарищам. Я нес важное послание и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту полицейских ракет. Услышал разговор, касающийся каких-то грузовых ракет, но не больше. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил карами земными и небесными. Может, это начнется позже. Я отключился.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Денвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Баки были почти полные — у меня горючего на десять часов, или на шесть тысяч миль. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невозможен, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я взял курс на Гавайскую республику. Затем я заложил программу в автопилот: дальность полета 3100 миль, скорость 800 миль в час. Только-только.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, анализаторы принялись вычислять и приплы

быстро к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут. Перехватить меня нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Перехватчики поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался... Я хотел, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Вторая задача. Как из этой штуки выбраться? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, которая катапультирует вас с креслом. Об этом позаботились конструкторы. Потом раскроется парашют, и вы комфортно опуститесь на божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть один недостаток: и корабль, и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия. Все просто и неприятно — как корова в церкви.

такого рода истязаниям, но ведь Пеллинг был несведущ во всем, что касалось форм жизни класса ФРОБ. А Какетон, не намного более сведущий, был человеком простым и простодушным, которому такие грубые шутки доставляли удовольствие, особенно если он считал, что жертва заслуживает того, что получает.

А вдруг начальник участка хитрее, чем кажется? Что, если он отлично знает, на какую пытку обрек человека, поручив ему заботиться о худларрианском младенце? Он яростно затряс головой, тщетно пытаясь стряхнуть усталость, которая затуманивала сознание.

Какстону это даром не пройдет.

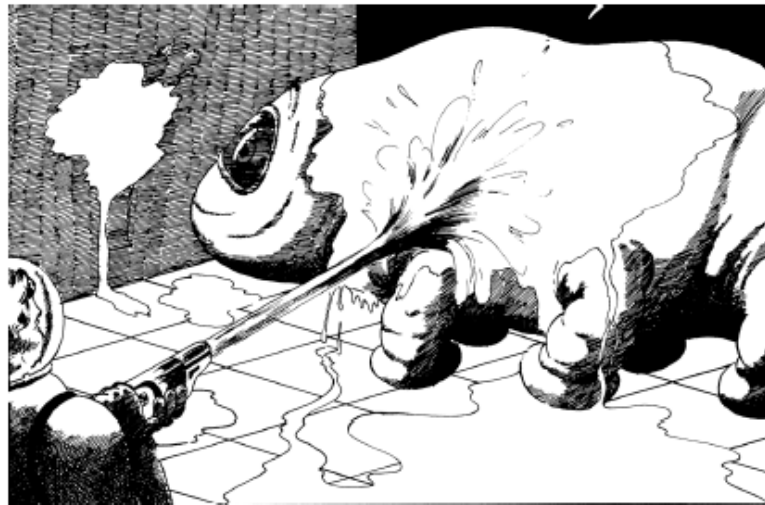
О'Мара знал, что он здесь самый выносливый и что запас сил у него изрядный. Он упрямо вдавливал себе, что вся эта усталость и нервные срывы существуют только в его воображении и что пара-другая суток без сна — суцая безделица для его могучего организма даже после той встряски, которую он получил во время аварии. Да и вообще, хуже уж некуда, так что положение вот-вот начнет улучшаться. Он им еще покажет! Какстону не удастся сделать его психом или хотя бы заставить взмолиться о помощи.

До недавнего времени он сетовал, что не нашел работы, которая бы потребовала от него всего того, что он мог дать. Теперь ему понадобится вся его выносливость и сообразительность. Ему поручен младенец, и он будет заботиться о нем независимо от того, пробудет этот младенец здесь два дня или два месяца. Более того, он сделает так, чтобы этого малыша поставили ему в заслугу, когда за ним явятся опекуны...

Проведя пятьдесят семь часов без сна, из них сорок восемь в компании малолетнего ФРОБа, О'Мара не находил ничего странного в этих алогичных и несколько сентиментальных мечтаниях.

И вдруг этот распорядок, который О'Мара уже научился воспринимать как должное, дал трещину. После очередного рева ФРОБ, как обычно, был накормлен — и тем не менее отказался замолчать.

Прежде всего О'Мара ощутил недоумение и возмутился: такой поступок был против всяких правил. Обычно младен-

цы кричат, их кормят, и они перестают кричать — по крайней мере, на некоторое время. ФРОБ же вел себя настолько непорядочно, что О'Мара был шокирован.

То был какой-то безумный, с многочисленными вариациями рева. Протяжные, нестройные шквалы воплей налетали на О'Мару. Временами высота и громкость звука изменялись самым диким, беспорядочным образом, потом рев переходил в скрежещущее дребезжание, словно голосовые связки младенца были забиты толченым стеклом. Время от времени наступали паузы от двух секунд до полминуты, и тогда О'Мара съеживался в ожидании очередного шквала. Он держался сколько мог — минут десять, не больше, — потом, в который уж раз, стащил с диванчика свое налитое свинцовой тяжестью тело.

— Какого дьявола ты орешь? — закричал он, перекрывая рев младенца. ФРОБ был с ног до головы покрыт питательной смесью, так что он не мог быть голодным.

Как только младенец узрел О'Мару, он завопил громче и требовательней. Расположенный на спине младенца похожий на кузнечные мехи мускульный клапан, который ФРОБы использовали только для подачи звуковых сигналов, с невообразимой быстротой вздувался и опадал. О'Мара зажал уши — что никак не помогло — и пронзительно завопил:

сующие, скажем, жестокость и «практичность» революционеров. Ведь для нас тогда революционер был подобен белому голубю, а здесь — рассуждения о необходимости террора и даже принципиальное согласие героя стать убийцей! Были выкинуты все упоминания о телепатах, так как это было ненаучно. Наконец, исчезли сцены, в которых можно было усмотреть эротический подтекст или намек на то, что дети делаются совместными усилиями мужчины и женщины.

Все эти сокращения, к сожалению, красноречиво свидетельствовали о том, что повесть переводится и печатается в стране, недалеко ушедшей от той, против которой столь мужественно борются герои повести.

Времена были пиратские (впрочем, и сейчас для переводных вещей, вышедших за рубежом до 1973 года, остаются такими же). Я допускаю, что кто-нибудь мог сообщить Хейнлейну, что его повесть переведена и напечатана у нас, но убежден, что никто не рассказал писателю, сколь сильно она урезана и как приведена в достойный коммунистического читателя вид.

Так как в первоначальном виде повесть сильно отличается от оригинала, мы обратились к переводчику с просьбой предоставить нам для сборника полный вариант перевода, каковой мы и публикуем, отдавая этим запоздалый долг Роберту Хейнлейну, основателю современной американской фантастики и первому ее гранд-мастеру.

Кир Булычев ТЕОДОР СТЭРДЖЕН

Утверждают, что звери чувствуют приближение землетрясения. Если внимательно наблюдать за их поведением, можно принять меры и покинуть дома. Мне кажется, что подобное предчувствие свойственно и фантастам.

Фантастика — по сути своей куда более актуальный вид художественного творчества, чем литература реалистическая. Ведь если реалисты имеют дело, как правило, с отношениями людей между собой, то фантастика чаще тратит куда больше усилий, чтобы исследовать отношения индивидуума и общества. Эти отношения выходят на первое место в периоды социальных землетрясений, то есть катаклизмов военного рода. И вот тогда фантастика, словно муравейник, состоящий из муравьев-работяг, начинает бурно рождать таланты и выдвигать новых авторов, откликаясь этим на процессы, еще тающиеся в недрах общества.

Первый значительный расцвет европейской фантастики падает на годы перед Первой мировой войной. Экономические причины ее созрели уже с конца прошлого века, политические становились все более очевидными в первые годы нашего. Но в саму гигантскую мировую войну никто верить не хотел, и люди предпочитали закрывать глаза на события, которые унесут миллионы жизней и перекроют лицо Земли.

Писатели-фантасты к числу таких людей не относились.

Во второй половине прошлого века в фантастике активно творил лишь один Жюль Верн и создавал умеренно оптимистические полотна, в которых наука выступала, как правило, в роли благодетеля человечества, а если некто (обычно гунн) и желал обратить достижения науки во вред людям, то он в конце концов получал по зубам (обычно от галлов). Но прошло всего несколько лет, и фантастика из приключенческой популяризаторской литературы превратилась в социальное явление. Начиная с работ Герберта Уэллса и вплоть до начала Первой мировой войны, в Европе родились сотни